ЗЛАТОУСТЪ

РУКОПИСЬ XVI ВѢКА ТВЕРСКАГО МУЗЕЯ

ЗАМѢТКА ПО РУССКОЙ ПАЛЕОГРАФІИ

Сообщилъ **М. Н. Сперанскій**

Читано въ засѣданіи Общества 14 декабря 1889

1891

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Типографія В. Балашева, Екатерининскій каналъ, 80

Приложеніе II къ Отчетамъ о засѣданіяхъ Общества

БИБЛИОТЕКА
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ

54808

Замѣтка по палеографіи русскихъ рукописей шестнадцатаго вѣка.

Занимаясь описаніемъ и приведеніемъ въ порядокъ рукописей Тверскаго музея, я обратилъ вниманіе на нѣкоторыя изъ рукописей этого собранія съ точки зрѣнія палеографической. Изъ нихъ особенно заинтересовалъ меня замѣчательный по письму «Златоустъ» XVI вѣка (№ 3100). Первое, что бросается въ глаза если мы станемъ разсматривать его съ палеографической стороны, это, помимо общей красоты и чистоты письма (крупный полууставъ), обиліе надстрочныхъ знаковъ (удареній и придыханій, и т. п.). Эти знаки покажутся на первый разъ неинтересными, совершенно случайными. Но приглядѣвшись къ нимъ повнимательнѣе, приходишь къ другому выводу. А принявъ въ соображеніе свѣдѣнія, почерпаемыя изъ другихъ рукописныхъ же источниковъ, а также изъ того, что было сообщено многоуважаемымъ профессоромъ Н. С. Тихонравовымъ въ его лекціяхъ, читанныхъ въ университетѣ въ 83—84 академическомъ году, я пришелъ къ убѣжденію, что на основаніи этого матеріала можно сдѣлать попытку дать объясненіе и представить себѣ манеру и взгляды писца XVI вѣка. Такимъ образомъ заинтересовавшій меня «Златоустъ» можетъ послужить орудіемъ для провѣрки, насколько правила и взгляды, излагаемые въ теоретическихъ руководствахъ къ письму (а такія руководства, какъ увидимъ далѣе, были) —

примѣнялись на практикѣ. Рядомъ съ этимъ въ письмѣ XVI вѣка (а отчасти и XV и XVII) мы встрѣчаемся съ другимъ, чисто палеографическимъ явленіемъ, которое, опять таки съ перваго взгляда, можетъ показаться относящимся къ другой области, области языка, языковѣдѣнія. Я говорю о болгарскихъ формахъ въ нѣкоторыхъ рукописяхъ русскихъ XV — XVI (отчасти XVII) вѣка. И на этотъ разъ наши старинныя-же руководства могутъ дать указанія, какъ слѣдуетъ иногда смотрѣть на это явленіе.

Такимъ образомъ оба эти явленія въ рукописяхъ (система знаковъ и болгаризмы) вводятъ насъ въ область письменности русской, какъ искусства. Находятъ же они себѣ объясненіе въ исторіи русскаго письма. Поэтому надо указать имъ мѣсто въ этой исторіи.

Наша письменность, литература съ принятія христіанства и до довольно поздняго времени носятъ на себѣ слѣды вліянія юго-славянскаго. Конечно, здѣсь не мѣсто входить въ подробности этого вліянія, но необходимо сказать, что въ этомъ направленіи принадлежитъ не послѣдняя роль нашей сосѣдкѣ Болгаріи, X вѣкъ въ которой былъ уже временемъ процвѣтанія литературы, тогда какъ у насъ только къ концу этого вѣка открыто явилось христіанство. Затѣмъ постепенно зарождается и собственная письменность на Руси, которая развивается и болѣе и болѣе крѣпнетъ, тогда какъ на югѣ славянства литература и письменность упадаютъ, сосредоточиваются въ немногихъ центрахъ. Вліяніе славянства хотя и продолжается, но уже далеко не имѣетъ того сильнаго напряженія, какъ прежде. Является у насъ «свое»; но это «свое» долго еще находится подъ опекой и покровительствомъ нашихъ сосѣдей—славянъ и Византіи.

Съ другой стороны, въ нашей письменности, какъ и у другихъ народовъ, происходятъ перемѣны, обусловливаемыя измѣненіемъ культурныхъ условій. Ограничусь указаніемъ только на нѣкоторыя изъ этихъ условій, насколько это необходимо

для интересующаго насъ вопроса по палеографіи. Самыя древнія наши рукописи (какъ и у большинства другихъ народовъ) писались на пергаменѣ. Книга такая стоила очень дорого, уже въ силу дороговизны матеріала и трудности ея написанія. Поэтому писцу платили дорого, но за то и требовали работы отчетливой, изящной. Писецъ въ то-же время былъ и художникомъ; иногда украшеніе рукописи поручалось даже другому лицу. Такимъ образомъ до насъ дошли рукописи красиво, четко написанныя, украшенныя изящными заставицами, заглавными буквами, а иногда и миніатюрами. Здѣсь писецъ слѣдовалъ не только правиламъ правописанія, но долженъ былъ быть экономенъ, долженъ былъ сохранять и красоту письма и выгадывать матеріалъ. Поэтому письмо пергаменныхъ древнѣйшихъ рукописей отличается убористостью; въ немъ нѣтъ почти промежутка между словами; сокращенія въ письмѣ, формѣ той или другой буквы допускались только въ извѣстныхъ случаяхъ (въ концѣ строки, напримѣръ); на верхъ (между строкъ) выносились лишь немногія буквы: иначе письмо стало бы неудобочитаемымъ, некрасивымъ; знаковъ препинанія сравнительно мало. Таково письмо, напримѣръ, извѣстнаго Остромирова Евангелія. Такимъ образомъ создалась традиція письма, своего рода манера письма.

Но просвѣщеніе распространяется, потребность въ книгѣ возрастаетъ настолько, что ради того, чтобы имѣть книгу, жертвуютъ изяществомъ письма; писецъ, въ виду возросшаго спроса, долженъ торопиться. Строгость письма падаетъ: оно становится небрежнѣе; вырабатывается полуустав. Традиція письма, опредѣленность его ослабѣваетъ. Рядомъ съ этимъ и матеріалъ для письма становится дешевле: на смѣну дорогаго пергамена является бомбицина, господствовавшая въ Россіи короткое время (въ XIV вѣкѣ), и тряпичная бумага. Насколько, все-таки, сильно еще сохраняется традиція, видно изъ того, что чѣмъ древнѣе рукопись бомби-

цинная или бумажная, тѣмъ болѣе она по письму и по тщательности украшеній напоминаетъ пергаменную рукопись[1]. Но паденіе устава продолжается и идетъ довольно быстро. Это паденіе выражается въ томъ, что, при возрастающей небрежности въ начертаніи буквъ, писецъ получаетъ большій просторъ своей личной волѣ: онъ получаетъ возможность изъ обычныхъ нѣсколькихъ начертаній и группъ начертаній выбирать то или другое начертаніе, ту или другую группу[2]; число буквъ и знаковъ надъ строкой увеличивается: рукопись теряетъ тотъ строгій, стройный видъ, какой она имѣла въ древнѣйшее время. Но и здѣсь традиція еще сильна: выборъ еще не можетъ быть великъ, личной фантазіи писца еще мѣста нѣтъ. Но и это письмо, развивающееся въ XV вѣкѣ, продолжаетъ ухудшаться въ смыслѣ изящества; оно сохраняется еще преимущественно въ рукописяхъ, по содержанію особенно почитаемыхъ, каковы, напримѣръ, книги Св. Писанія, особенно назначаемыя въ качествѣ вкладовъ въ церкви[3]. Болѣе обыденное письмо XVI вѣка или полу-уставъ, переходящій въ скоропись, или прямо скоропись. Отличительная внѣшняя черта этого письма — округлость буквъ, изобиліе надстрочныхъ знаковъ, крючковъ, росчерковъ вверхъ и внизъ строки, кудреватость. Разнообразіе здѣсь достигаетъ уже большихъ размѣровъ; произволу писца представляется просторъ. Въ это время вырабатывается почеркъ въ томъ смыслѣ этого слова, какъ мы теперь понимаемъ, говоря: это почеркъ бойкій, это красивый, это почеркъ такого-то или такого-то. Личный элементъ вторгается въ

---

[1] Такова, напримѣръ, рукопись конца XIV вѣка Тверскаго музея, № 3062 (на бомбицинѣ).

[2] Начертаніе отдѣльныхъ буквъ, имѣющее въ уставѣ почти всегда однообразный, строгій стиль, становится разнообразно, благодаря небрежности писца; уже въ рукописяхъ XV вѣка мы можемъ отмѣтить нѣсколько формъ для б, ъ, ѣ, ѳ, з.

[3] Въ подобныхъ рукописяхъ возраждается и уставъ; но онъ носитъ иной характеръ, нежели древній: это скорѣе — крупный, хорошо исполненный полууставъ.

письмо: ему не было, или почти не было мѣста въ предшествующее время[1]. Развитіе этого письма падаетъ на конецъ XVI и на XVII вѣкъ. Письмо Петровскаго времени по характеру относится къ старой скорописи, или же уже переходитъ къ письму XVIII вѣка, развившемуся не безъ вліянія западнаго и печатной гражданской книги.

Такимъ образомъ въ интересующее насъ время, въ XVI вѣкѣ, письмо находится въ переходномъ состояніи: традиція письма еще не рушилась, но уже нѣкоторая свобода предоставлена писцу. Поэтому въ «Златоустѣ» XVI вѣка, № 3100, мы видимъ ѵ въ срединѣ словъ и строки, тогда какъ въ уставѣ подобное начертаніе (вм. оу) допускалось только въ случаѣ недостатка мѣста; связныя начертанія (ик, лу, ст, тр, пр) попадаются весьма часто, тогда какъ въ древнее время они допускались какъ исключеніе, и даже въ XV вѣкѣ они еще не пестрятъ рукопись; ѥ (=ѣ), имѣющее особое начертаніе и выдержанное въ рукописяхъ XV вѣка съ достаточной послѣдовательностью, смѣшивается съ обыкновеннымъ ѣ; но слѣдъ традиціи сохраняется еще: это простое ѣ вмѣсто ѥ (особеннаго вида) отмѣчается всегда значками такими же, какими отмѣчается ѥ (особаго вида). Рядомъ съ начертаніями нѣкоторыхъ буквъ древняго типа (и, з) находимъ новыя.

Въ письмѣ XVI вѣка число надстрочныхъ знаковъ возрастаетъ: въ уставѣ мы находимъ (исключая титла и немногія буквы, выносимыя подъ покрышкой) надъ буквами точки (по одной и по двѣ), придыханіе; въ полууставѣ же эта система осложняется: являются еще ударенія и различныя комбинаціи ударенiй съ придыханіями, особые значки. Все это, взятое вмѣстѣ, затрудняло читателя, дѣлало работу болѣе труд-

[1] О разнообразіи начертаній отдѣльной буквы и сочетаній ея съ другими лучше всего судить можно по прописямъ, гдѣ на столбцѣ, иногда очень длинномъ, изображены въ азбучномъ порядкѣ всевозможныя употребительныя начертанія каждой буквы; такова, напримѣръ, пропись конца XVI вѣка изъ коллекціи Н. С. Тихонравова.

ной и для писца, если онъ хотѣлъ написать рукопись какъ слѣдуетъ, потому что и здѣсь традиція его предшественниковъ, внесшихъ эти осложненія, для него еще сильна. Такимъ образомъ явилось это искусственное сложное письмо въ XVI вѣкѣ; такимъ оно представляется и въ «Златоустѣ», № 3100.

Посмотримъ теперь на исторію другой особенности нѣкоторыхъ рукописей XVI вѣка, особенности, которую я назвалъ условно «болгаризмомъ».

Какъ я говорилъ, Болгарія и ея письменность оказали сильное вліяніе на нашу древнюю письменность, т.-е. многіе памятники переходили на Русь на болгарскомъ нарѣчіи или переводились на русскій языкъ съ болгарскаго. Для древнѣйшаго періода русской литературы этотъ переходъ былъ легокъ, такъ какъ этому способствовала близость языковъ болгарскаго и русскаго: писцу непадо было много труда, чтобы передѣлать формы болгарскія на русскія... и его переводъ былъ вполнѣ понятенъ для соотечественниковъ. Отличія тѣмъ не менѣе были, но они, оставаясь мѣстами въ русскихъ уже спискахъ, не мѣшали распространенію памятника; поэтому мы находимъ рукописи русскія съ болгаризмами, такъ какъ писецъ не всегда ясно и отчетливо сознавалъ эту разницу формъ, на которую я указалъ. Это становится тѣмъ понятнѣе, если мы вспомнимъ ту силу традиціи, которая тяготѣла надъ писцомъ, то уваженіе къ письму, къ книгѣ, которое было въ древне-русскомъ обществѣ и которое до извѣстной степени доселѣ сохраняется у старообрядцевъ.

Образцомъ такой переписки служатъ самые древніе дошедшіе до насъ памятники, напримѣръ Остромирово Евангеліе, Святославовъ Сборникъ 1073 года, и др. Но съ теченіемъ времени языки болгарскій и русскій стали болѣе разниться, такъ какъ каждый изъ нихъ развивалъ свои особенности, свойственныя каждому изъ нихъ отъ временъ до-историческихъ. Такимъ образомъ образовался языкъ средне-болгарскій, рѣзкимъ представителемъ котораго можно назвать, какъ

наиболѣе извѣстный, переводъ Хроники Манассіи, дошедшій до насъ въ рукописи 1345 года[1]. Тутъ ужъ русскому писцу-переводчику было труднѣе: здѣсь онъ чаще встрѣчалъ формы непонятныя, необычныя; въ этихъ случаяхъ онъ или передѣлывалъ, но подчасъ неправильно болгарскую форму на русскую, или же, если казалась она ему не особенно непонятной, то и оставлялъ (вспомнимъ опять его уваженіе къ письменному слову). И въ этомъ случаѣ въ его русскомъ спискѣ сквозили болгаризмы. Но бывало и такъ, что, увлекшись болгарскими формами, онъ и русскую форму одѣвалъ, хотя и неумышленно, въ болгарскую одежду; но, не зная болгарскаго языка, онъ ошибался, т.-е. получалась форма, написанная неправильно, ни по-русски, ни по-болгарски; источникомъ этого рода ошибокъ была разница въ звукахъ въ болгарскомъ и русскомъ, обозначаемыхъ однимъ начертаніемъ, напр. ѫ, который по-болгарски имѣетъ иное произношеніе, нежели по-русски. Образцомъ такого рода переписки русскимъ писцомъ болгарской рукописи можетъ служить Евангеліе Тверскаго музея № 2997, XVI вѣка, гдѣ на пространствѣ одной страницы (л. 49 об.—50) можно отмѣтить при пяти случаяхъ правильно скопированныхъ болгарскихъ формъ четыре случая неправильной постановки большаго юса. Подобная особенность рукописи служитъ все-таки указаніемъ на оригиналъ ея. Но среди рукописей XVI вѣка мы находимъ и такія, которыя, не имѣя ни малѣйшаго отношенія къ болгарскому оригиналу, носятъ черты какъ-будто болгарскія, наприм. «Слово о полку Игоревѣ» (сгорѣвшая рукопись XV—XVI вѣка), нашъ «Златоустъ». Объясняется это странное явленіе тѣмъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ явленіемъ только палеографическимъ, а не фонетическимъ или этимологическимъ. Дѣло происходило повидимому такъ: бол-

[1] Синодальная библіотека, № 38. Обстоятельный разборъ языка рукописи см. у П. Билярскаго: «О Средне-Болгарскомъ вокализмѣ по Синодальному списку Манассіиной лѣтописи». Спб., 1858.

гарское вліяніе настолько укоренилось въ писцахъ, настолько примелькались имъ болгарскія формы, что они утратили чувство строгаго различія формъ своего книжнаго языка и чужаго; съ другой стороны, уважая букву и видя передъ собой часто болгарскіе оригиналы, они невольно подчинялись желанію придать и своей работѣ характеръ уважаемой ими древности [1]. Сначала это—единичные порывы писцовъ; но затѣмъ теченіе охватываетъ и большій кругъ и становится модой.

Вотъ, благодаря этой-то модѣ, мы и находимъ въ рукописяхъ русскихъ, по содержанію и происхожденію, формы болгарскія, часто даже неправильныя—только, такъ сказать, болгаризированныя, находимъ болгарскія окончанія прилагательныхъ и существительныхъ (аа вм. аѧ, ыа—ыѧ, ыѧ, иа—иѧ, и т. д.), глухой послѣ плавнаго (ръ, рь, лъ, ль), большой юсъ, паденіе іотаціи,—все формы, несоотвѣтствующія живому языку, произношенію. Поэтому мы и встрѣчаемъ и въ нашемъ «Златоустѣ» формы: дрѣжати (л. 119), дрьжаніе (л. 121 об.), трьпѣти (59 об., 90 об.), предпочтительное употребленіе формъ въ родѣ: согрѣшенїа (л. 74), прїатно (л. 79). сїа (л. 108). Конечно, не во всѣхъ рукописяхъ одинаково являются всѣ болгаризированныя формы: въ иныхъ особенно развиваются однѣ, въ другихъ другія; поэтому и у насъ, напримѣръ, большаго юса нѣтъ: писецъ удержалъ изъ модныхъ начертаній не всѣ, а только нѣкоторыя. Что въ нашемъ «Златоустѣ» всѣ приведенныя формы не представляютъ остатковъ оригинала, видно изъ того, что собственно болгаризмовъ въ немъ нѣтъ (напр. смѣшенія большаго и малаго юса), формы остальныя сплошь русскія; кромѣ того «Златоустъ»—это сборникъ происхожденія русскаго; его первоначальная редакція также

[1] Вспомнимъ то уваженіе и поклоненіе старинѣ, которыми были охвачены люди XVI вѣка въ Россіи, когда всѣ реформы направлялись къ возстановленію «поизшатавшейся старины» въ чистомъ видѣ. XVI вѣкъ—вѣкъ перелома русской литературы, подведенія итоговъ всего предшествовавшаго періода.

русская «Златая цѣпь»[1]. Такимъ образомъ мы видимъ, что не всякій болгаризмъ (даже правильный) можетъ быть отнесенъ на счетъ оригинала рукописи XVI вѣка; чтобы найти здѣсь точку опоры, надо посмотрѣть всѣ черты рукописи въ совокупности, дать имъ объясненіе наиболѣе подходящее; а при нѣсколькихъ правильныхъ болгарскихъ формахъ всегда найдутся такія, которыя укажутъ, что и эти правильныя формы не болѣе, какъ удачное подражаніе русскаго писца болгарскому правописанію. Между болгаризмами же настоящими есть такіе, которые немыслимы для русскаго писца, если бы онъ хотѣлъ ихъ искусственно внести въ рукопись (напр. смѣшеніе юсовъ между собой).

Такимъ образомъ, по рукописи XVI вѣка мы можемъ себѣ представить, насколько трудно было усвоить писцу всѣ тонкости тогдашняго письма. При этомъ неизбѣжно, разумѣется, разнообразіе, отчего и чтеніе рукописи становилось затруднительнымъ; а отъ этого проистекали ложныя толкованія смысла, ошибки и искаженіе текста при перепискѣ. Сознавалась настоятельная потребность устранить, насколько возможно, разнообразіе въ письмѣ, узаконить то, что можетъ быть допущено; короче сказать, сознавалась необходимость въ руководствѣ. Такое руководство и явилось въ концѣ XVI же вѣка, насколько можно судить по сохранившимся рукописямъ. Эти учебники важны для насъ уже и потому, что они объясняютъ намъ всю систему указанныхъ знаковъ въ рукописяхъ (какъ строчныхъ, такъ и надстрочныхъ), и кромѣ того даютъ ключъ къ этой «модной» болгарщинѣ, о которой я только что говорилъ. Кромѣ того, эти учебники старались удовлетворить и другой потребности — дать средства къ правильному, съ грамматической точки зрѣнія, письму. Такимъ образомъ эти памятники важны и для палеографа и для изучающаго языкъ, строй рѣчи XVI вѣка и послѣдующаго времени.

---

[1] См. Н. С. Тихонравова въ «Девятнадцатомъ присужденіи Уваровскихъ премій», стр. 40 (примѣч.) и 37.

Обратимъ вниманіе только на первую сторону этихъ руководствъ.

Прежде всего надо сказать, что эти руководства являются самостоятельными русскими произведеніями, такъ какъ болѣе раннія грамматическія руководства (напр. статья ѡбъ ѡсми частѣхъ рѣчи) были или переводъ или передѣлка съ старыхъ византійскихъ грамматическихъ руководствъ. Но и разбираемое самостоятельное руководство, конечно, не свободно отъ этого же вліянія. Характеристическую черту его составляетъ слѣдующее: оно, какъ и многія произведенія XVI вѣка, носитъ на себѣ отпечатокъ литературнаго и культурнаго характера этой важной въ русской жизни эпохи: оно такъ же, какъ и другія произведенія XVI вѣка, подводитъ итоги того, что было сдѣлано до сихъ поръ,—иначе: собравъ все, что можно было найти въ предшествующей литературѣ по предмету грамматики и письма, авторъ руководства старается привести въ систему; поэтому сюда вошли статьи изъ старыхъ грамматическихъ руководствъ и собственныя наблюденія надъ письмомъ рукописей. Составитель стремится создать правило для каждаго мало-мальски важнаго (по его мнѣнію) явленія старой письменности. Но схоластика была и тогда преобладающимъ методомъ въ наукѣ; поэтому мы не удивимся схоластичности (и иногда наивной) правилъ, предлагаемыхъ разбираемымъ руководствомъ: это дань времени, дань старой Византіи.

Обратимся къ этимъ руководствамъ. Общій составъ ихъ таковъ. Сначала идетъ рѣчь объ изобрѣтеніи и составленіи алфавита (разныя знаменитости классической древности создаютъ по нѣскольку буквъ); это нѣчто въ родѣ введенія. Затѣмъ идетъ объясненіе, что такое буква, какъ буквы дѣлятся; затѣмъ правила ихъ употребленія, затѣмъ о различныхъ «силахъ», т.-е. надстрочныхъ знакахъ, и случаяхъ ихъ употребленія; послѣ этого слѣдуетъ система знаковъ препинанія (такъ называемое ученіе о «разстояніяхъ», къ которому примыкаетъ

по характеру и предыдущій отдѣлъ); заканчиваетъ первый отдѣлъ руководства — цифровая система. Вторую часть руководства занимаетъ ученіе о частяхъ рѣчи — этимологія[1].

Укажу на нѣкоторыя изъ правилъ грамматики XVI вѣка, важныя съ палеографической точки зрѣнія.

Всѣ буквы раздѣляются на «звательныя» (=гласныя) и «полузвательныя» (=согласныя); иногда выдѣляются еще «припряжногласныя» (или «накончаніе» — глухіе ъ и ь). По употребленію выдѣляются изъ нихъ «произвольныя», т.-е. такія, которыя собственно лишнія, но употребляются въ силу обычая (ѫ, ѷ, ѕ, ѧ).

Вотъ правила употребленія нѣкоторыхъ изъ нихъ:

1. ѡ в҆ началѣ (пишется) и в҆ слозѣ, въ началѣ глаголетсѧ просто, а въ слозѣ логовато (?), а «ѡнъ» (о) в҆ слозѣ.

2. оу в҆ началѣ, ꙋ в҆ слозѣ...

3. ѫ в҆ началѣ и в҆ слозѣ и в концѣ; а пишетсѧ за два писмени, в҆ началѣ за ю и в концѣ, а в слозѣ за икъ, красоты ради, а не истинны.

4. ижица ѷ пишетсѧ за два писмени, в҆ слозѣ со двема знаменіи за иже (моѷсей), а без знамени за вѣди (еѵга).

5. Аще два ѧѧ станꙋтъ по рѧдꙋ в҆ концѣ, то в҆ послѣднѧго мѣсто пишетсѧ азъ с вариею—а҆, или просто ѧа. Тако же и по после аза аѧ, і҆ послѣ юса ѫю. Аще станетъ ꙗ послѣ, і҆ то пишетсѧ а, ꙗкоже и прежде сего предложено[2].

Въ другомъ руководствѣ это послѣднее правило полнѣе: юсъ вмѣнѧютъ за два писмѧни, за икъ і҆ за ю, а само въ себѣ не владѣетъ (т.-е. несамостоятеленъ); а гдѣ прилꙋчитсѧ по единомъ реченїи по рѧдꙋ два ю, то въ послѣднѧго мѣсто вмѣнѧютъ юсъ[3].

---

[1] Учебники эти носили разныя заглавія: «Простословіе» (наприм. Чуд. мон. № 34—236; Царск. № 423), чаще «Сказаніе о грамотѣ русской и греческой», «Написаніе языкомъ словеньскимъ о грамотѣ» (Унд. [Рум. Муз.] № 953), и т. п.

[2] Унд. (Румянц. музей) № 953, л. 5—6 об.

[3] По рукописи XVI вѣка, принадлежащей Н. С. Тихонравову (л. 18).

Вотъ, стало быть, и объясненіе большаго юса и болгарскихъ окончаній, о которыхъ я говорилъ выше: здѣсь, очевидно, нѣтъ и намека на языкъ болгарскій, а только палеографическое явленіе: книжникъ, желая придать древній пошибъ письму, но съ другой стороны чувствуя, что интересная и дорогая для него особенность письма болѣе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности — выдумываетъ схоластическое внѣшнее правило, не желая разстаться, поступиться стариной. Нашъ «Златоустъ», предпочитая указанныя выше болгарскія формы, слѣдовалъ только обычаю, узаконенному грамматикой.

Приведу нѣсколько правилъ о титлахъ и сокращеніяхъ. Грамматика отличаетъ: титла, взметъ, покрытіе; первыя два— одно и то-же; разница въ томъ, что въ однихъ случаяхъ (на словахъ священнаго характера, напр. Богъ, Духъ) назывался знакъ титломъ, на другихъ взметомъ; впрочемъ, это различіе признается не всѣми грамматиками; покрытіемъ же назывался знакъ, которымъ покрывалась вынесенная надъ строкой буква; поэтому особенно частое въ рукописяхъ надстрочное с съ покрытіемъ называлось «словотитломъ». Общее правило о титлахъ таково: под ними пишутся титлы рекше имена полны в малыхъ коуквахъ, понеже титла соуть имени истинна; а над верхними, то разоумѣй по вѣщанію рѣчь; а надъ единою коуквою станетъ къ рядоу, творитъ число (Унд., л. 8). Нѣкоторыя частныя правила: Бога сотворшаго всѣческая і благость его і благая... под взметомъ пиши; такожъ і Богородицю пиши съ добромъ (т.-е. бца) понеже роди и воздои... боговъ идолскихъ и благъ земныхъ и благодательство посреднее отнюдь не покрывай, но складомъ пиши... такожде владыкоу Господа пиши подъ взметомъ, а владыку земнаго — складомъ — (Тих., л. 57)[1].

Нашъ «Златоустъ» болѣе или менѣе строго придерживается

---

[1] Поэтому же грамматика рекомендуетъ писать сокращенно съ титломъ слово «солнце» въ значеніи эпитета Бога (Солнце правды); то же слово въ значеніи обычномъ—полностію.

правилъ, хотя, какъ и большинство рукописей, не буквально слѣдуетъ правилу; напр. слово бысть пишетъ б҃ы, противъ каковаго начертанія ратуетъ грамматика: да пишутъ нѣцыи неискуснїи бысть б҃ы. (Тих.). Ученіе о надстрочныхъ знакахъ представляетъ сложную и довольно неопредѣленную систему; называется оно иначе наукой «ѡ вымолвныхъ письменахъ». Вотъ нѣкоторые изъ этихъ знаковъ.

1. Звательцо (=греч. spiritus lenis): в началѣ звателнїи боуквы сим знаменаютсѧ. Нашъ «Златоустъ» соблюдаетъ это правило строго, исключая случая, если писецъ два слова сливалъ въ одно; но онъ и расширяетъ нѣсколько это правило, употребляя звательцо и внутри словъ при встрѣчѣ двухъ гласныхъ (на второй); впрочемъ, этому правилу слѣдуютъ и другія рукописи, начиная съ пергаменныхъ и бумажныхъ XV в.

2. Оксь (=греч. ὀξεῖα; острое удареніе): гласитсѧ в҆ верхъ ꙗкобы воздер҆житъ значно пред инѣми. «Златоустъ» здѣсь придерживается правила, ставитъ удареніе большею частію по выговору.

3. Варїѧ (=греч. βαρεῖα—тяжелое удареніе): в҆ концѣ рѣчи ꙗсно полагаетсѧ. Въ «Златоустѣ» это правило соблюдается плохо: удареніе это ставится не только на конечномъ слогѣ, но и въ срединѣ словъ.

4. Ико или исо (соединеніе окся и звательца): в҆ началѣ звателнїи боуквы с протѧжкою ѡбъꙗвлѧютсѧ. Въ «Златоустѣ», кромѣ правильнаго употребленія, отмѣтить слѣдуетъ эту группу на гласной послѣ другой гласной внутри словъ.

5. Апострофь (звательцо съ варіей): ставитсѧ надъ единою боуквою, если она имѣетъ значеніе отдѣльнаго слова, напр. и҆ (вин. ед.=его), ю҆ (=её). Въ «Златоустѣ» систематически (какъ и въ самыхъ грамматикахъ) отмѣчается апострофью, кромѣ того, и є (особаго вида) и окончаніе а = я (їерѣа҆ — л. 110 об.), иногда и (конечное въ словѣ).

6. Камора — скоба съ отверстіемъ книзу, ставится надъ двумя буквами (иногда тремя), составляющими отдѣльное слово:

но, кы̑. Въ «Златоустѣ» кромѣ того надъ окончаніемъ «го» (gen. sg).

7. Смычецъ ᷈; здѣсь соблюдалось совершенно искусственное правило: соотношеніе между значеніемъ и начертаніемъ слова; такъ онъ употреблялся на словахъ: два, двое, ока. У насъ расширено его значеніе: онъ имѣетъ значеніе также надстрочнаго и надъ гласными, напр. поко᷈=покои, се᷈=сей, и т. д.

8. Досиѧ—опрокинутая камора; у насъ преимущественно надъ второй конечной гласной слова, чаще всего на ѣ и ю. Правило употребленія этого знака не указано.

Кромѣ того, употреблялись въ грамматикѣ знаки, носившіе названія: великій апострофъ (соединеніе апострофя съ оксемъ), окобакъ (въ родѣ смычца надъ і), и т. д. Но ихъ не находимъ въ «Златоустѣ», хотя въ другихъ рукописяхъ они встрѣчаются.

9. Ерикъ, или паерокъ ʻ: еръ к толстотѣ глаголется, ерь же к тоности; правило употребленія этой замѣны ъ таково: ставится за еръ над полъзбателными боукъвами к началѣ и к складѣ (слогѣ), и к концѣ.

Такъ какъ чувство къ различенію глухихъ (даже къ сознанію присутствія ихъ) еще въ XII вѣкѣ ослабло, такъ какъ глухіе уже давно не слышались, то и нашъ «Златоустъ», употребляя ерикъ въ общемъ правильно, часто грѣшитъ, пропуская его тамъ, гдѣ его мы ожидали бы, и ставя тамъ, гдѣ въ немъ нѣтъ надобности.

Ученіе о «разстояніяхъ» главнымъ образомъ должно было дать средство правильно читать, отдѣляя слова другъ отъ друга, отдѣляя одну группу словъ отъ другихъ, иначе: оно важно было для смысла, пониманія мѣста рукописи. Такимъ образомъ оно соотвѣтствовало современному ученію о знакахъ препинанія. Знаковъ было довольно много, я упомяну только о тѣхъ, которые нашли мѣсто въ нашемъ «Златоустѣ». Отсюда слѣдуетъ, что система знаковъ не нашла пол-

наго выраженія въ нашей рукописи. Прежде всего грамматика требовала разстоянія между словами, иногда увеличеніе этого разстоянія равнялось знаку препинанія, отдѣлявшему предложенія. Нашъ «Златоустъ» первую половину правила соблюдалъ, отдѣляя слова другъ отъ друга; второе же правило оставалось безъ примѣненія. Вообще это соблюденіе большихъ и малыхъ разстояній не принадлежало къ числу обязательныхъ, насколько я могу судить по рукописямъ. Изъ знаковъ препинанія у насъ въ «Златоустѣ» употреблялись: точка, запятая—обѣ безъ особыхъ правилъ, кендема (точка со значкомъ въ родѣ смычца надъ ней) совершенно по правилу—въ концѣ поученія (т.-е. статьи) всегда; подостолія—(;) изрѣдка, но въ значеніи точки. Вообще правила о разстояніяхъ - самыя запутанныя и часто неопредѣленныя [1].

Изъ этого сравненія руководствъ грамматическихъ съ «Златоустомъ» мы видимъ: а) Далеко не всѣ правила, предлагаемыя грамматиками, соблюдались на практикѣ; это и понятно: грамматика не могла объединить разнообразія рукописей и всѣмъ даже собраннымъ случаямъ дать объясненіе. б) Грамматика не исчерпывала всего разнообразія начертаній, встрѣчаемыхъ въ рукописяхъ. в) Но за это грамматика дала объясненіе тому странному письму, которое названо мною болгаризированнымъ: многое употреблялось красоты ради, а не истинны, по признанію самой грамматики.

Среди рукописей Тверскаго музея оказалась одна грамматика конца XVII вѣка, именно въ сборникѣ № 3190, но къ сожалѣнію въ очень плохомъ видѣ: многіе листы испорчены, а многихъ (около 60 начальныхъ) недостаетъ. Но интересны и эти отрывки для исторіи грамматики. Поэтому ею и закончу мои замѣтки. Она представляетъ уже передѣлку

---

[1] Подробнѣе изложеніе разсмотрѣнныхъ выше грамматическихъ правилъ можно найти въ изданіи Императорскаго Общества любителей древней письменности—«Памятники Древней Письменности», LXXIII (Спб., 1888).

грамматики XVI вѣка, сообразно съ измѣнившимися требованіями времени. Въ общей системѣ она то же, что и грамматика XVI вѣка, т.-е. составныя части тѣ же; но учебникъ приспособленъ, чтобы учитель могъ хорошо ученика обучить грамотѣ[1], но ученика маленькаго; поэтому находимъ фразу: сꙋть же и ина послѣдꙋющаѧ инымъ частемъ требователна: но ради малымъ дѣтемъ неꙋдобства оставлена, ꙗко: залози, начертанїѧ, наклоненїѧ, сопрꙋжества; ѡ сихъ в҆ грамматицѣ хотѧй да чтетъ (л. 8 об.) Позднѣйшая ея редакція видна изъ того, что многое, что счелъ нужнымъ внести книжникъ XVI вѣка, напримѣръ ученіе о юсѣ, о болгаризмахъ, значительное число тонкостей, важныхъ, по мнѣнію книжника XVI вѣка—выброшено: между тѣмъ въ XVI вѣкѣ этого не выкинули бы, напримѣръ сложную числительную систему.

Посмотримъ, какъ смотритъ грамматика позднѣйшей редакціи на тѣ правила правописанія, которыми мы занимались.

Дѣленіе буквъ сохранено то-же, что въ прежнихъ грамматикахъ, но разряда «произвольныхъ» нѣтъ: его замѣняетъ разрядъ буквъ, которыя нужны только въ греческихъ словахъ и числительныхъ знакахъ; объ нихъ сказано: ради греческихъ реченїй, обрѣтающихсѧ в҆ книгахъ славенскихъ, славѧномъ нꙋжнаѧ сꙋть: ѳ, ѯ, ѱ, ѵ, ф, ѕ (л. 1 об.). Это не совсѣмъ согласно съ ученіемъ старыхъ грамматикъ (см. выше). Изъ надстрочныхъ знаковъ оставлены: оксь, варія, периспомени (иначе «обвлаченная»—камора XVI вѣка), псили (звательцо); но прибавлены: сипливая (spiritus asper), о которомъ сказано: сипливый, или гꙋстый, ꙗко ѵ҆мнъ (ὑμνὸς), и҆пакой (ὑπακοή); слитная, ꙗже полагаетсѧ в҆ концѣ реченїй над гласнымъ, ꙗко — мой, твой, чїй (грамматика XVI вѣка знаетъ й, какъ букву «сокращенную»); и паеркъ, имѣющій видъ каморы, который грамматика XVII вѣка отличаетъ отъ

---

[1] Грамматика XVI вѣка излагалась чаще всего въ формѣ діалога между ученикомъ и учителемъ; въ тверскомъ спискѣ эта форма нарушена.

ерика такъ: окъ ѹко дебелъ, ако-членъ, окъ же тонокъ, ако конъ, сѣнъ (л. 19 об.—20) (что напоминаетъ знакъ мягкости этой согласной въ древнѣйшихъ пергаменныхъ рукописяхъ). Знаки препинанія почти уже современные; привожу весь отрывокъ: вѣдати же нужно и строчнам: черта (|), запѧтам (,), точка (.), ими же къ реченіихъ разумъ мало отдохомъ препинаетсѧ или совершенно оканчиваетсѧ (л. 21 об.). Вотъ къ чему сведена сложная система знаковъ XVI вѣка, обязательная тогда для всякаго пишущаго. За то введены: единитая (-) (переносный знакъ), вопросная (; или ..), (значеніе точки съ запятой — подіостоліи — въ XVI вѣкѣ иное, см. выше), удивная (!) (опять измѣненіе древней прибыльцы — современной точки съ запятой), вмѣстная ([ ]), ею же обѣемлютсѧ реченіѧ, ѩже не сѹть къ божественномъ писаніи, но ѹдобшаго ради разѹмѣніѧ отъ кнѣ влагаемам, разѹмъ къ писаніи наполнѧющам или изъѧснѧющам, ако: тогда возвратишасѧ [апостоли] въ Іерѹсалимъ.[1] Отложеннам сице пишема ( ), ею же обьемлютсѧ реченіѧ, ѩже сама ѡ себѣ стоѧтъ, не пристоѧщам ни къ предзидѹщимъ, ни къ послѣдѹющимъ реченіемъ, ѩкоже и изѧта быша, разѹмъ глаголемыхъ цѣлъ остаетъ и совершенъ (л. 24)[2].

Понятіе о титлѣ въ XVI вѣкѣ было: имъ покрывались слова высокія по значенію; значеніе его почетное (царь подкоронный);[3] взметъ не служилъ для сокращенія слова. Въ грамматикѣ XVII вѣка уже неясно: титла и словотитла къ божіихъ именахъ писатисѧ чести ради или ради сокращенія многописменныхъ реченій (л. 20).

---

[1] Дѣян. Ап.: 1, 11.

[2] То же изложеніе о скобкахъ въ печатныхъ грамматикахъ XVII вѣка, наприм. у Смотрицкаго, Максимова.

[3] Въ грамматикѣ по рук. Унд. № 953, въ алфавитномъ указателѣ о написаніи разныхъ именъ, сказано: «ангелъ святыхъ и святыхъ апостолъ, и священныхъ архіепископъ покрыто пиши, сирѣчь подъ взмѣтомъ, понеже, что покрыто пишется, то свято» (л. 66).

Такимъ образомъ изъ этихъ немногихъ замѣчаній мы видимъ, что грамматика, отвѣчая насущной потребности времени, отразила на себѣ измѣненіе взглядовъ на письмо, измѣненіе системы письма, т.-е. грамматика и въ редакціи XVII вѣка можетъ служить матеріаломъ для палеографіи XVII вѣка.

Библиотека
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ